

ВОСПИТАНИЕ ПРАВОВЫХ ЧУВСТВ и правового сознания личности в концепции А.С. Макаренко¹

Светлана Сергеевна Невская,
ведущий научный сотрудник лаборатории
истории педагогики и образования
Института стратегии развития образования РАО,
доктор педагогических наук, Москва,
e-mail: nevskajasweta@yandex.ru

В настоящее время одной из актуальных можно назвать проблему формирования правосознания подростков и юношей.

Положительным примером воспитания правовых чувств и правового сознания молодого поколения может служить опыт А.С. Макаренко. Педагог теоретически переосмыслил и реализовал в эксперименте идеи правоведа-психолога Петражицкого о правосознании, о свободных (нравственных) и правовых (юридических) обязанностях².

- психология права • активное правосознание • нравственная и правовая культура • чувство собственного достоинства • дисциплинированность
- внутренняя свобода личности • чувство долга • ответственность
- честь • этические мотивации • этические нормы • обязанности личности
- мотивы человеческих поступков • познание • поведение
- императивно-атрибутивное сознание

Психология права Л.И. Петражицкого

Следует отметить, что книги Л.И. Петражицкого читала и изучала прогрессивная студенческая дореволюционная молодёжь. Особенно популярны были его «Очерки философии политики

права» (вып. 1. — Спб., 1900; Спб., 1904), «Введение в изучение права и нравственности» (1905), «Основы эмоциональной психологии» (Спб., 1906), «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» (т. 1–2, Спб., 1909–1910), «К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права» (Юридический вестник, 1913, кн. 2).

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования» № 073-00086-19-01 на 2019 год и на плановый период 2021 и 2022 годов. Проект «Реализация потенциала историко-педагогических исследований в современном педагогическом образовании» (№ 27.8089.2017/БЧ).

² Воспитание гражданина в педагогике А.С. Макаренко: В 2 ч. // Автор монографии «Гражданское воспитание личности в творчестве А.С. Макаренко», примечаний, редактор-составитель С.С. Невская. — М.: Академический Проект, Альма Матер, 2006. — Ч. 1. — С. 264,

Самая читаемая в те годы книга Л.И. Петражицкого с двойным названием «*О мотивах человеческих поступков. В особенности об этических мотивах и их разновидностях*» увидела свет в 1904 году. А.С. Макаренко в 1922 году писал: «Самым ценным, что было до сих пор сделано в психологии, считаю работы Петражицкого. Читал многие его сочинения, но «Очерки теории права» не удалось прочесть»³.

На мой взгляд, А.С. Макаренко, прежде всего, должны были заинтересовать идеи правоведа психолога о психической жизни человека. Л.И. Петражицкий, обращаясь к традиционному трёхчленному делению элементов психической жизни человека — познание, чувство, воля, выделил последние две — чувство и волю. Они, по его словам, составляют самостоятельные психические акты, которые требуют особого места и особой теории в научной классификации. Можно также выявить явления, которые, «не будучи познавательными явлениями, представлениями, ощущениями и т.д.», нельзя отнести «ни под категорию чувств, ни под категорию явлений воли». По своей природе эти самостоятельные психические акты носят двусторонний характер. С одной стороны, они «состоят в страдательном, пассивном переживании, в “*pati*”, с другой, в позыве, в активном стремлении (*agere, movere*)»⁴.

Л.И. Петражицкий характеризовал эти психические акты как *двигательные*, или моторные, и *импульсивные* возбуждения. Они, например, обнаруживаются в явлении голода, жажды, отвращения, омерзения, страха. Учёный объединил двусторонние психические акты этого типа в особый класс, в котором эти акты называются возбуждением, побуждением, или эмоциями. Если традиционно считалось, что «мотивы человеческих поступков всегда сводятся к удовольствию или неудовольствию (*lust — unjust*), или к представлениям будущих возможных наслаждений или страданий» (гедонистическая теория), то двигатели человеческих поступков —

³ Макаренко А.С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л.Ю. Гордин, А.А. Фролов, М.Д. Виноградова. — М.: Педагогика, 1983–1986. — Т. 1. С. 10.

⁴ Петражицкий Л.И. О мотивах человеческих поступков. В особенности об этических мотивах и их разновидностях. — СПб, 1904. — С. 1.

эмоции в условленном выше смысле, то есть эмоции — истинные мотивы, двигатели поведения.

Таким образом, сущность этической мотивации, этических норм и обязанностей учёный рассматривал в контексте *принципов и правил поведения человека*. Представление о поведении зависит от его содержания. Например, там, где наблюдается поведение с минимальными интеллектуальными элементами сознания долга, налицо представление объектов долженствования.

Но есть другой вид представлений о поведении, «которые в качестве ассоциативных добавлений, в качестве дальнейших членов ассоциации могут принадлежать к составу этического сознания и ограничивать содержание последнего (и вместе с тем сферу действия и обязательности соответствующего “закона”».) Сюда относятся и «представления субъектов долга, то есть представления людей или людей только определённых классов» и «представления условий, гипотез, то есть представление различных обстоятельств, обуславливающих наличность обязанности». Такие обстоятельства Л.И. Петражицкий называл этически-ролевыми фактами. К ним он относил также «определения места и времени, например, если ты находишься в храме, то ты должен...» и т.д.⁵ По его словам, все «эти факты определяют содержание и обуславливают действительность, обязательность соответствующих законов (“мы обязаны делать то-то и то-то, потому что так приказал Бог ..., потому что так поступали наши отцы, потому что так сказала мама”».) Эти «категории элементов этических эмоционально-интеллектуальных ассоциаций, в особенности же представления нормативных фактов, могут чрезвычайно ограничивать область действия соответствующих норм (в психике переживающего таковые)»⁶.

⁵ Там же. — С. 11–12.

⁶ Там же. — С. 11.

Из этой теории, по Петражицкому, следует, что «обязанности, которые мы приписываем разным (представляемым) существам человеческого или нечеловеческого рода (настоящего, будущего или прошедшего времени), вовсе не являются чем-то, находящимся над, внутри и при тех существах, которым мы приписываем обязанности; для констатирования долга, обязанности не нужно также, чтобы субъект долга (обязанный) “был наделён разумом и волей”, чтобы он эту обязанность “знал”, “признавал” и т.п.; не нужно даже, чтобы субъекту долга соответствовало во внешнем мире какое-либо реальное живое существо. Ибо обязанности, как вытекает из предыдущего, суть не что иное, как идеальные проекции, происходящие в нашей психике (то есть в психике приписывающего какому-либо человеку, государству, казне, духу и тому подобное, те или иные обязанности)...»⁷.

Исходя из представлений о сущности этической мотивации, этических нормах и обязанностях, Л.И. Петражицкий пришёл к заключению, что «это всё — составные части интересующих нас интеллектуально-эмоциональных образований (ассоциаций представлений и эмоций долга)» — следует называть «представлениями “норм установительных” или “нормативных” фактов. Этические убеждения, к ассоциативной связи которых принадлежат такие представления, назовём позитивными этическими убеждениями. Содержание таких убеждений — позитивные нормы. Этические убеждения без таких добавочных представлений чужих велений и других нормативных фактов мы будем называть интуитивными, или автономными этическими убеждениями; соответствующие нормы — интуитивными, или автономными нормами»⁸.

Таким образом, категории элементов этических эмоционально-интеллектуальных ассоциаций могут ограничивать область действия со-

⁷ Петражицкий Л.И. О мотивах человеческих поступков. В особенности об этических мотивах и их разновидности. — СПб, 1904. — С. 13.

⁸ Там же. — С. 12–13.

ответствующих норм в психике человека, который их переживает.

В юриспруденции, считает учёный, нет единства в вопросе о существовании права. Когда речь идёт о нравственности, имеют в виду только субъект долга. В области права рассуждения касаются «управомоченных» («правомоченных») и «не заботятся о создании научного понятия обязанности и пытаются определить существо прав независимо от существа обязанности»⁹.

Психологическое изучение этой проблемы показало, что права человека состоят не в воле или интересе, а, *во-первых*, «в особого рода обязанностях, долгах других лиц по отношению к нам, а именно: в таких долгах других по отношению к нам, которые закреплены за нами как нечто нам принадлежащее, по которым то, к чему обязаны другие, нам от них следует, причитается (напр., как заработанное нами, выигранное, условленное по договору)»; *во-вторых*, «от таких обязанностей, обязательств, долгов других лиц, которые закреплены за нами как наши права, притязания, по которым то, к чему обязан один, причитается другому как нечто ему должное, — следует строго отличать иного рода обязанности, такие обязанности (напр., быть совершенным, добродетельным, воздавать добром за зло), которые по отношению к другим свободны, их притязаний не составляют, по которым то, к чему мы обязаны, не сознаётся как нечто причитающееся другому»¹⁰.

В науке права, по Петражицкому, нужны такие понятия, как «обязанности», «правоотношения», «правопритязания» («права»), «правовые обязанности». «Обязанности по отношению к другим свободные, — отстаивал свою позицию учёный — мы называем нравственными, беспритязательными обязанностями»¹¹. А вот наука морали не нуждается

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. — С. 14–18.

¹¹ Там же. — С. 20.

в таких понятиях и выражениях, как «правовая психика — притязательная психика; нравственная психика — беспритязательная психика». Императивные нормы и императивно-атрибутивные (обязательно-притязательные) нормы различаются тем, что императивные нормы носят односторонний характер, они авторитетно налагают бремя на одно лицо, ничем не наделяя других. Атрибутивные нормы носят двусторонний характер, они как бы испускают «два луча, действуют двумя руками, одновременно налагая минус на одного и снабжая соответствующим плюсом другого». Императивные нормы нормируют только положение обязанного, а атрибутивные одновременно нормируют положение двух лиц («для одного они представляют авторитетное определение и меру, показывающую, к чему он обязан, что он должен; для другого же они представляют авторитетную меру, норму того, что ему должны другие, что ему причитается, следует от других; отчисляемое, вычитаемое от одного причитается, даётся атрибутивную нормую другому»¹².)

Атрибутивные, обязательно-притязательные нормы — это и есть нормы права (правовые, юридические нормы), а чисто императивные, беспритязательные нормы — есть нравственные нормы («законы» морали).

Видовое различие чисто императивных (нравственных) и императивно-атрибутивных (правовых) норм и обязанностей, считал Петражицкий, покоится на соответственных видовых различиях тех эмоционально-интеллектуальных сочетаний, которые, лежат в основе этических явлений, этического долженствования, обязанностей и норм вообще. «Сознание нравственного долженствования (нравственное сознание) и сознание правового долженствования одного — права другого (правосознания) — это такие психические явления, которые по составу своему (по составным интеллектуальным и эмоциональным элементам) имеют между собою много общего (общие родовые качества), ..., но и существенные видовые различия»¹³.

¹² Петражицкий Л.И. О мотивах человеческих поступков. В особенности об этических мотивах и их разновидностях. — СПб, 1904. — С. 21–22.

¹³ Там же. — С. 23.

Психологическую теорию права и морали Л.И. Петражицкий излагал обстоятельно и подробно, обращая пристальное внимание на историю предмета исследования и на её разработку зарубежными и отечественными учёными.

Определив различие интеллектуального состава явлений императивно-атрибутивного и чисто императивного сознания долженствования, учёный пришёл к выводу, что они (эти различия) тесно связаны со специфическим различием действующей в обоих случаях эмоции долга. В зависимости от того, какое отношение и какое поведение требуется от обязанного для управомоченного (каков объект обязанности и объект права), различаются разные оттенки императивно-атрибутивных эмоций.

Если современная Петражицкому наука права считала субъектами права только живых людей (физические лица) и учреждения, корпорации (юридические лица наиндивидуальные, социальные организмы), то сам учёный-правовед называл субъектами права и «сверхчеловеческие», и «подчеловеческие» существа, которые всегда присутствуют в праве разных народов (например, в Средние века в качестве субъектов разных прав играли святые, «святым дарились и завещали целые имения с правами, к ним приуроченными; для управления ими назначались особые представители, старастаты»). Роль субъектов права могут исполнять в праве народов идеи, их содержание, с которыми в психике людей определённого времени и определённой ступени культуры «ассоциируются в психические явления, которые выражаются в виде связанного “имеет право”, “обязан”».

Л.И. Петражицкий установил различия чисто императивного, беспритязательного сознания долга — нравственного сознания и императивно-атрибутивного сознания долга-права — правосознания. Этому различию соответствует

различие в действии тех и других эмоционально-интеллектуальных ассоциаций в качестве мотивов поведения.

В «Очерках философии права» Л.И. Петражицкий высказал мысль, что большинство конкретных определений права представляют собой комбинации проанализированных идей. Учёный отдавал предпочтение тем теориям, в которых имела место его формула императивно-атрибутивных норм права. Он предложил такую формулу: «Нормы права суть положительные атрибутивные нормы за исключением тех, действующих внутри организованного союза норм, которые лишены официального значения»¹⁴.

Л.И. Петражицкий предлагал отказаться от традиционного узкого взгляда на теорию права и предлагал перевести науку на «широкий фундамент императивно-атрибутивной психики человеческого рода». Он критически относился к тем классификациям права, исходящим из юриспруденции, которые считали, что для образования научного понятия права достаточно только «выразить в виде сознательной формулы те критерии, по которым она инстинктивно одни явления относит к праву, другие сюда не относит»¹⁵.

Учение об элементах правовых явлений, утверждал Петражицкий, «должно доказать важность той границы, которую теория чистых императивов и атрибутивов проводит между правом и моралью, теоретическую сущность этого различия..., а равно показать, что выделение нормативной психики в нашем смысле в особый класс явлений с делением его на два рода по наличности или отсутствию атрибутивной силы не только даёт надлежащий базис для двух родственных наук: права и морали, но вместе с тем устраняет важный порок в современной системе наук о человеке вообще, состоящий в наличности важных и крупных областей психической

¹⁴ Петражицкий Л.И. Очерки философии политики права. Вып.1. — СПб., 1900; СПб., 1904. — С. 133.

¹⁵ Там же. — С. 137.

жизни человека, вообще современной системой наук не захватываемых, остающихся по недоразумению непосредственными в ведении тех наук, коих их ведать подлежит»¹⁶.

На базисе развития общей теории права как императивно-атрибутивных явлений человеческой психики Л.И. Петражицкий не исключал построения «специальных теорий разновидностей этого общего рода». Учёный предложил развивать две специальные ветви теории права: *теорию императивного права и теорию позитивного права*.

Л.И. Петражицкий рассматривал право как явление индивидуальной психики человека. Признавая различия между правом и нравственностью, главным различием он признавал чисто императивный характер нравственных импульсов (и их норм) и императивно-атрибутивным характером права. Действие права заключается в воздержании от действий, подавлении или возбуждении мотивов к действиям, а также в воспитании народной психики (развитии, укреплении одних склонностей, черт характера и исключении других).

Исследование показало, что А.С. Макаренко использовал в работе с несовершеннолетними правонарушителями эти два аспекта права: мотивационное (импульсивное) действие права и педагогическое действие.

Как и Петражицкого, Антона Семёновича интересовали средства и методы формирования правовой и нравственной мотивации человека. Педагог придерживался установки: нравственные и правовые нормы человек усваивает в процессе социализации, причём чрезвычайно важную роль в этой социализации играют мотивы и эмоции. Учение Петражицкого о многообразии нормативных фактов и видов положительного права также нашло применение в педагогической системе А.С. Макаренко.

¹⁶ Там же.

* * *

Таким образом, рассмотрели существо права, как его понимал Л.И. Петражицкий. Сущность права с точки зрения атрибутивной и императивной его функций не вызвала возражений у А.С. Макаренко.

Практика права в педагогике А.С.Макаренко

В документах «Конституция коммуны имени Ф.Э. Дзержинского» и «Операционный план педагогической работы трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского» педагог указал на атрибутивно-императивные функции права, а также использовал термины «эмоция долга», «правовая эмоция». В «Операционном плане» А.С. Макаренко писал:

«Мы считаем, что воспитание эмоции долга является нашей главнейшей целью. Когда я в истекшем году на московском съезде сказал об этом, наши педагоги удивлённо открыли глаза. То, что дети из детских домов выходят убеждёнными потребителями, не только практическая случайность. Наша педагогическая литература достаточно погрешила по этому пункту. Не только эмоция долга, но и необходимая правовая эмоция почти не пользовалась вниманием педагогики. Между тем как раз в советском государстве, основанном на гораздо большем вмешательстве государства в мир отдельных интересов, наше воспитание должно опереться на науку о праве. Это ещё и тем более необходимо, что мы отказались от таких стимулов поступка, как боязнь греха, вера в бога, “любовь к ближнему”.

И как раз, как будто в порядке какой-то иронии, в отечественной педагогике особенно надеются на значение интереса. Решительно всё должно подноситься ребятам в значительном виде, в образе какого-то вкусного пирога, всё должно заинтересовывать, всё должно пройти через их психику по специально облегчённым путям, без усилия и напряжения с их стороны, без неприятностей.

Не нужно много говорить о гибельности такой воспитательной политики. Жизнь как раз наполнена усилиями и напряжением, она требует

от человека регулярной скучной работы, и нужно приготовить детей к жизни так, чтобы они могли делать эту работу без страдания и без подавления личности.

А это возможно только в том случае, если ценность работы оправдана ясным представлением о её значимости для коллектива и, следовательно, для всех членов коллектива. Это и есть переживание долга»¹⁷.

А.С. Макаренко сделал важнейший теоретико-методологический вывод:

«Только воспитание эмоции долга, приучая ребят идти не только за своим интересом, занимательностью данной минуты, а за идеей создания коллективной ценности, явно полезной и для них, — мы воспитываем крепких, волевых людей, способных перенести лишения с бодрым самочувствием, способных не только «рвать», но и тянуть, не только ударять, но и терпеливо надавливать. И у нас не выйдут те жалкие, ноющие, жадненькие потребители, всегда чего-либо хотящие и просящие, всегда недовольные и своей работой, и своей жизнью, которыми наполнены сейчас дома подростков»¹⁸.

А.С. Макаренко использовал идеи Л.И. Петражицкого о том, что активное правосознание влияет на характер граждан, на развитие сознания собственного достоинства и других черт, противоположных характеру «рабской души»; что чисто моральная, беспритязательная психика (высокая идеальная психика) требует для здорового развития характера притязательной, правовой психики. Не может быть здоровой этики без такого императивно-атрибутивного фундамента.

¹⁷ Макаренко А.С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л.Ю. Гордин, А.А. Фролов, М.Д. Виноградова. — М.: Педагогика, 1983–1986. — Т. 8. — С. 143–144.

¹⁸ Там же. — С. 144.

Практика показала Антону Семёновичу высокую воспитательную результативность проведения товарищеских судов: трудный подросток осознавал и глубоко прочувствовал всю низость проступка, а пережитое во время суда волнение запоминал на всю жизнь. В колонии им. М. Горького проводилась процедура коллективного товарищеского судебного разбирательства проступков воспитанников. Так, в отчётной ведомости о состоянии колонии за 1923 года педагог писал:

«Общее развитие воспитательной системы колонии совершалось по прежнему плану: от авторитарно-требовательного тона к рабочему самоуправлению. В течение 1923 г. многие части хозяйства и административной заботы перешли в руки воспитанников. В августе педагогический совет нашёл возможным и самое заведование хозяйством передать воспитаннику. С середины лета начал функционировать совет командиров в качестве высшего хозяйственного органа. Большое значение приобрели заседания товарищеского суда, окончательно получившего форму кафедры по теории проступков. Нечто совершенно необходимое в колониях, типа нашей»¹⁹.

Многие выпускники колонии и коммуны стали судьями, адвокатами, юристами. Так, Василий Фёдорович Шапошников стал народным судьёй г. Харькова. М.Д. Виноградова вспоминала о встрече с ним:

«...Шапошникова Василия Фёдоровича мне удалось разыскать в районном суде, он вёл процесс, был очень занят. Когда я спросила его помощников, можно ли с ним будет поговорить, они мне не советовали, сказали, что дело разбирается серьёзное, грозящее даже приговором к смертной казни, что судья нервничает — очень устал. Я готова была к отказу Шапошникова беседовать со мной в этот день, но когда в перерыве заседания я к нему подошла, и он узнал, что

¹⁹ Макаренко А.С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л.Ю. Гордин, А.А. Фролов, М.Д. Виноградова. — М.: Педагогика, 1983–1986. — Т. 1. — С. 31.

мне нужно поговорить о Макаренко, сразу весь посветлел и попросил обязательно его дожидаться, и после конца судебного процесса мы с ним долго-долго беседовали в помещении суда, пока его не стали запирают, потом долго шли пешком, вместе зашли в столовую перекусить, и Василий Фёдорович рассказывал мне и рассказывал, ответил охотно на все мои вопросы о школе, вспоминал, как Антон Семёнович приучал его читать книги, как интересно вёл уроки, как они все вместе ездили в Ульяновск, сколько перед этим прочли об этом городе книг, как Макаренко возбуждал интерес к той или иной книге в как бы случайном разговоре, отдельной незаконченной репликой»²⁰.

В воспоминаниях «Путёвка в жизнь» В.Ф. Шапошников писал, что изучение юридических наук в институте, а затем работа народным судьёй дали ему возможность по-новому взглянуть на воспитательные методы А.С. Макаренко. «Я, например, — признавался Василий Фёдорович, — лишь сейчас с особой глубиной осознал значение Совета командиров как своего рода товарищеского суда. Ведь за любой проступок воспитанник держал ответ не лично перед Макаренко, а перед товарищами, перед всем коллективом. Совет командиров рассаживался обычно на узком жёстком диване вдоль стен кабинета Антона Семёновича и не только решал хозяйственные дела, но и обсуждал различные происшествия»²¹.

Василий Фёдорович в своих воспоминаниях дал следующую оценку педагогическому эксперименту А.С. Макаренко и его личности:

«В колонию приходили одичавшие от голода, озлобленные долгими скитаниями,

²⁰ Виноградова М.Д. Воспоминания / Неизвестный Макаренко. Выпуск 19. — М., 2009. — С. 11–12.

²¹ Вестник: школа № 656 имени А.С. Макаренко. Выпуск 1. — / Сост.: С.С. Невская, А.Н. Минигалина, В.С. Николаева, Е.В. Важнова, И.В. Шевченко. — М., 2019. — С. 54.

невежественные и грубые хлопцы и девчата. <...> Казалось, годы, долгие годы должны были пройти, раньше чем вся эта разношёрстная, своенравная, далёкая от всякого подобия организованности братия приобщится к учёбе, труду, правилам гигиены, элементарной вежливости... Но проходил совсем небольшой срок, и каждая партия ребят, прибывшая в колонию, быстро ассимилировалась в здоровом, трудовом коллективе, впитывала в себя всё лучшее, благородное и честное, что культивировал Макаренко, — и ребят этих нельзя уже было узнать!

В памяти моей возникают отдельные эпизоды из жизни колонии и коммуны; я слышу слова Антона Семёновича, обращённые к своим воспитанникам, вижу каждый жест его...

Нас у Антона Семёновича были сотни, но каждый ощущал его внимание, заботу, участие. В бурных интересных буднях трудового детского коллектива никто из нас не мог «затеряться». Мы все в одинаковой мере были у Макаренко на виду. И толи отличился кто-нибудь из нас в труде, толи провинился — Антон Семёнович всегда в курсе дела. И каждый раз на заседании Совета командиров он ставит вопрос, который затем живо, с жаром обсуждает детвора. И я не знаю случая, когда Антон Семёнович поступил бы с кем-либо из нас несправедливо. Не слышал я этого и от других. Даже тогда, когда Макаренко требовал какого-нибудь наказания, провинившийся сознавал: «Это справедливо. Я ведь действительно виноват».

Макаренко мог наказать и наказывал, но делал это, не унижая человеческого достоинства, не причиняя ребёнку тяжёлых душевных переживаний.

Мне, юристу, это сейчас особенно ясно»²².

И далее: «Теперь, когда мы стали взрослыми, а у многих из нас уже появилась седина на висках, ещё глубже понимаешь высокие гуманные устремления А.С. Макаренко. Он видел далеко,

²² Вестник: школа № 656 имени А.С. Макаренко. Выпуск 1. — / Сост.: С.С. Невская, А.Н. Минигалина, В.С. Николаева, Е.В. Важнова, И.В. Шевченко. — М., 2019. — С. 50–51.

очень далеко. В то время, когда мы, чумазые, немытые, оборванные, голодные попадали к нему в колонию, он, спокойно глядя на нас, думал: «Вот эти станут хорошими рабочими, учёными, инженерами, агрономами». Мы тогда ничего не признавали — ни нашего положения, ни нашей перспективы, ни нашего места в жизни. <...> Каждого из нас А.С. Макаренко готовил к трудовой жизни исходя из индивидуальности качеств воспитанника, его наклонностей и способностей.

Перечитывая сейчас записи А.С. Макаренко в его тетрадях, удивляешься какой-то особой его способности видеть характер человека, его устремления и наклонности. В этом Макаренко, пожалуй, никогда не ошибался! Мне это особенно видно, поскольку речь идёт о людях, которых я знал с детства.

Читая строки, в которых Антон Семёнович характеризует хорошо знакомых мне воспитанников, я поражаюсь, как он ещё четверть века назад мог безошибочно распознавать в душе ребёнка качества, лёгшие затем в основу характера взрослого человека»²³.

В заключение В.Ф. Шапошников ещё раз подчеркнул великое значение макаренковского эксперимента:

«Трудно переоценить силу психологического воздействия Совета командиров — настоящего беспристрастного и честного товарищеского суда. Совет командиров обсуждал обычно многие вопросы жизни колонии или коммуны, но в данном случае как юрист я говорю только о «правовых» его функциях. Думаю, что изучение этого вопроса и по сей день может представить известный интерес как для педагогов, так и для юристов.

В бумагах А.С. Макаренко сохранилось фото: Антон Семёнович сидит среди

²³ Там же. — С. 53.

студентов-юристов, бывших горьковцев. Очевидно, то была одна из первых групп юристов из числа «макаренковцев». В последующие годы их было уже немало. Народный судья Наталья Чудная и я, по всей видимости, замыкаем этот отряд юристов — оба мы окончили юридический институт уже после войны.

Мне кажется, что есть нечто замечательное в том, что из юных «правонарушителей», как нас кое-кто называл, А.С. Макаренко сумел воспитать много людей, посвятивших в дальнейшем всю свою жизнь делу укрепления социалистической законности.

Всей работой народного судьи я хочу оправдать надежды, которые возлагал на меня и на других горьковцев Макаренко. И вот каждый раз, рассматривая то или иное судебное дело, я думаю: «А как решил бы его на моём месте Антон Семёнович? Как поступил бы он в этом случае?»

Строго карая вора или расхитителя, решая дело о хозяйственном или должностном преступлении, примиряя поссорившихся соседей или вынося приговор хулигану, я всегда думаю о чудесном педагогическом таланте Макаренко. И каждый раз, когда я занимаю председательское место за судейским столом, мне кажется, что сквозь толстые стёкла очков за мною зорко наблюдает одобряющий взгляд Антона Семёновича, который будто говорит мне: «Ну, Василий, как ты выйдешь из этого положения? Как ты решишь этот вопрос?»

Могу смело сказать, что огромную помощь в моей работе приносит знание творческой педагогической науки Макаренко»²⁴.

Документы подтверждают, что работа А.С. Макаренко с несовершеннолетними пра-

²⁴ Вестник: школа № 656 имени 1. Вестник: школа № 656 имени А.С. Макаренко. Выпуск 1. — / Сост.: С.С. Невская, А.Н. Минигалина, В.С. Николаева, Е.В. Важнова, И.В. Шевченко. — М., 2019. — С. 54–55.

вонарушителями строилась на морально-правовой основе. В 1935–1937 гг., работая помощником начальника Отдела трудовых колоний НКВД Украины, Антон Семёнович с октября 1936 года одновременно выполнял функции заведующего Броварской колонией (под Киевом). Выступая с докладом перед рабочими завода «Шарикоподшипник» 24 октября 1936 года, Антон Семёнович рассказал о своей работе в Броварах следующее:

«...Я принял эту колонию под Киевом с целой кучей педологов в таком виде: колония имела 300 мальчиков и делилась она на 3 коллектива. Один коллектив сидел буквально за решёткой и не имел права даже и носа показывать из-за решётки. Это были наиболее трудные дети — так называемые дезорганизаторы. Второй коллектив сидел тоже взаперти, но решёток на окнах не было, а третий коллектив бродил вокруг этих двух коллективов по двору»²⁵.

Что же сделал А.С. Макаренко?

Он уничтожил решётки, разрушил все три коллектива, «смешал» всех детей вместе. И очень скоро все были приведены в «человеческую норму», поняли свою ответственность за колонию, то есть за свой коллектив — свою общину, свой дом, свою семью. Дети, как истинные хозяева своей общинной жизни, включились в работу и учёбу. Теперь, по словам А.С. Макаренко, это «прекрасные дети, приветливые, ласковые, трудолюбивые, дисциплинированные и красивые», которые принимают наказание за проступок, за нарушение норм поведения как должное и гордятся своей дисциплиной.

Итак, созданный А.С. Макаренко и его соратниками трудовой воспитательный коллектив обладал мощной воспитывающей

²⁵ Макаренко А.С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л.Ю. Гордин, А.А. Фролов, М.Д. Виноградова. — М.: Педагогика, 1983–1986. — Т. 4. — С. 29.

силой, способной защищать права личности и предоставить широкие возможности каждому члену коллектива реализовать свои возможности, способности, таланты и приучить исполнять обязанности, узаконенные своей же колониальной/коммунарской Конституцией. А.С. Макаренко ставил своей главной целью «воспитать гражданина определённых качеств, гражданина, осознающего свои права и обязанности»²⁶. Идеи Л.И. Петражицкого о мотивах человеческих поступков, о нравственной и правовой эмоциях, об отношении морали и права, о нравственном сознании и правосознании как факторов индивидуальных поступков и социальных явлений помогли А.С. Макаренко сформулировать концепцию воспитания и создать эффективную методику воспитательного процесса. Педагог смог найти в области психологии права те рычаги, которые глубоко проникали в человеческую психику его воспитанников.

В заключение статьи ответим на вопрос: почему А.С. Макаренко выделяет Л.И. Петражицкого, зачем обращается к нему, что даёт педагогу освоение учения правоведа-психолога?

Ответ на поставленный вопрос содержится во всех наших публикациях, в которых красной нитью проходит следующее утверждение.

- А потому и для того, что Макаренко строит сообщество, микросоциум, единый воспитательный коллектив, являющийся средой обитания и единственно возможным средством её организации. Но организации не любой и не примитивной, а обладающей силами для крепкого благополучного существования и для непрерывного материального и духовного роста как всей структуры, так и каждого её субъекта, гражданина-личности. Такое строение общества содержит в себе очень трудное, но прекрасное единство сегодняшней и завтрашней жизни, стратегию её развития, возвышения, а также тактику согласования с данным бытием, его условиями. Это построение общества граждан, знающих, чего они хотят,

²⁶ Воспитание гражданина в педагогике А.С. Макаренко: В 2 ч. // Автор монографии «Гражданское воспитание личности в творчестве А.С. Макаренко», ч. 1. — С. 5–310, примечаний, редактор-составитель С.С. Невская. — М.: Академический Проект, Альма Матер, 2006. — С. 264.

умеющих культурно жить и стремящихся к культуре. В заброшенной и нищей колонии для несовершеннолетних преступников в пору ещё не погасшей гражданской войны, разрухи и бандитизма Макаренко знает, что нужно делать для выживания, как бороться за существование колонии, но он живёт сверхзадачей, поиском пути вверх так высоко, как никогда ещё не поднималось воспитательное учреждение, даже самое богатое, отборное и защищённое. Макаренко ищет в фонде общечеловеческого опыта ответ, хотя бы какие-то подсказки к решению сверхзадачи, и ...не находит. Он делает открытие: находит у правоведа Л.И. Петражицкого идеи, разработки, которые превращает в компонент желанной педагогической системы.

- Воспитание личности гражданина страны — это процесс последовательной социализации личности, расширение и углубление её связей с потребностями, устремлениями и идеалами общества. Это процесс построения культуры всей жизни, то есть отношений, в котором правовые чувства и правовое сознание играют первостепенную роль.

- Отношения между детьми, и их с педагогами, персоналом; отношение к каждому члену сообщества; отношения солидарности и взаимовнимания; отношения, приносящие радость и удовлетворение от бытия, ощущение ценности личности, её защищённости; права и обязанности с микронной точностью сбалансированные; организационное строение сообщества (органы управления, их взаимоотношения), которое по мере расширения и обогащения видов, форм жизнедеятельности непременно усложняется; отношения закрытого воспитательного учреждения с окружающим миром — все эти и другие отношения не могут бесперебойно окультуривающе работать лишь благодаря как морали или (и) строжайшим мерам по соблюдению введённого сверху режима, так

и изображённым педагогическим приёмам. Тут необходимо право в понимании Петражицкого. Отношения в педагогической системе Макаренко должны стать правовыми и с определённой стадии развития коллектива переживаемыми, даже выстраданными каждым и всем сообществом.

- Так Макаренко создаёт самое точное и животворящее правовое сообщество, не формальную, лицемерную, зачастую бесильную, а глубинную в человеческой сущности демократию.

И сегодня современно звучит мысль Л.И. Петражицкого о том, что активное правосознание влияет на характер граждан, на развитие сознания собственного достоин-

ства и других черт, противоположных характеру «рабской души»; чисто моральная, беспритязательная психика (высокая идеальная психика) требует для здорового развития характера притязательной, правовой психики. Не может быть здоровой этики без такого императивно-атрибутивного фундамента²⁷. **НО**

²⁷ См.: Невская С.С. Л.И. Петражицкий о мотивах человеческих поступков // Отечественная и зарубежная педагогика. — 2016. — № 3. — С. 33–45; 4-я глава («Реализации идей Л.И. Петражицкого в педагогической теории и практике А.С. Макаренко») Воспитание гражданина в педагогике А.С. Макаренко: В 2 ч. // Автор монографии «Гражданское воспитание личности в творчестве А.С. Макаренко», ч. 1. — С. 171–264, примечаний, редактор-составитель С.С. Невская. — М.: Академический Проект, Альма Матер, 2006. и др.

Education Of Legal Feelings And Legal Consciousness Of The Individual In The Concept Of A.S. Makarenko

Svetlana S. Nevskaya, senior researcher, laboratory of history of pedagogy and education, Institute of educational development strategy, Russian Academy of education, associate Professor, doctor of pedagogical Sciences, Moscow

Abstract: *Education of legal consciousness and legal feelings of pupils of the colony and commune, headed by A.S. Makarenko. Realization of the idea of a legal psychologist L.I. Petrazhitzky on an unconscious mental impulse. Formalization of individual and personal experiences and symbolization of legal emotions. The inclusion of emotion-experiences in consciousness, the acquisition of meaning. Consciousness of symbols in communication with other individuals.*

Keywords: *psychology of law, active legal awareness, moral and legal culture, self-esteem, discipline, inner freedom of the individual, sense of duty, responsibility, honor, ethical motivations, ethical norms, duties of the individual, motives of human actions, cognition, behavior, imperative attributive consciousness.*

Spisok ispol'zovannykh istochnikov

1. Rabota vypolnena v ramkakh gosudarstvennogo zadaniya FGBNU «Institut strategii razvitiya obrazovaniya Rossiyskoy akade'mii obrazovaniya» № 073-00086-19-01 na 2019 god i na planovyy period 2021 i 2022 godov. Proyeckt «Realizatsiya potentsiala istoriko-pedagogicheskikh issledovaniy v sovremennom pedagogicheskom obrazovanii» (№ 27.8089.2017/BCH).
2. Vospitaniye grazhdanina v pedagogike A.S. Makarenko: V 2 ch. // Avtor monografii «Grazhdanskoye vospitaniye lichnosti v tvorchestve A.S. Makarenko», primechaniy, redaktor-sostavitel' S.S. Nevskaya. — M.: Akademeskiy Proyeckt, Al'ma Mater, 2006. — Ch. 1. — S. 264.
3. Makarenko A.S. Pedagogicheskiye sochineniya: V 8-mi t. / Sost.: L.YU. Gordin, A.A. Frolov, M.D. Vinogradova. — M.: Pedagogika, 1983–1986. — T. 1. S. 10.
4. Petrazhitzkiy L.I. O motivakh chelovecheskikh postupkov. V osobennosti ob eticheskikh motivakh i ikh raznovidnostyakh. — SPb, 1904. — S. 1.
5. Tam zhe. — S. 11–12.
6. Tam zhe. — S. 11.
7. Petrazhitzkiy L.I. O motivakh chelovecheskikh postupkov. V osobennosti ob eticheskikh motivakh i ikh raznovidnostyakh. — SPb, 1904. — S. 13.
8. Tam zhe. — S. 12–13.
9. Tam zhe.

10. Tam zhe. — S. 14–18.
11. Ta zhe. — S. 20.
12. *Petrazhitskiy L.I.* O motivakh chelovecheskikh postupkov. V osobennosti ob eticheskikh motivakh i ikh raznovidnostyakh. — SPb, 1904. — S. 21–22.
13. Tam zhe. — S. 23.
14. *Petrazhitskiy L.I.* Ocherki filosofii politiki prava. Vyp.1. — Spb., 1900; Spb., 1904. — S. 133.
15. Tam zhe. — S. 137.
16. Tam zhe.
17. *Makarenko A.S.* Pedagogicheskiye sochineniya: V 8-mi t. / Sost.: L.YU. Gordin, A.A. Frolov, M.D. Vinogradova. — M.: Pedagogika, 1983–1986. — T. 8. — S. 143–144.
18. Tam zhe. — S. 144.
19. *Makarenko A.S.* Pedagogicheskiye sochineniya: V 8-mi t. / Sost.: L.YU. Gordin, A.A. Frolov, M.D. Vinogradova. — M.: Pedagogika, 1983–1986. — T. 1. — S. 31.
20. *Vinogradova M.D.* Vospominaniya / Neizvestnyy Makarenko. Vypusk 19. — M., 2009. — S. 11–12.
21. Vestnik: shkola № 656 imeni A.S. Makarenko. Vypusk 1. — / Sost.: S.S. Nevskaya, A.N. Minigalina, V.S. Nikolayeva, Ye.V. Vazhnova, I.V. Shevchenko. — M., 2019. — S. 54.
22. Vestnik: shkola № 656 imeni A.S. Makarenko. Vypusk 1. — / Sost.: S.S. Nevskaya, A.N. Minigalina, V.S. Nikolayeva, Ye.V. Vazhnova, I.V. Shevchenko. — M., 2019. — S. 50–51.
23. Tam zhe. — S. 53.
24. Vestnik: shkola № 656 imeni 1. Vestnik: shkola № 656 imeni A.S. Makarenko. Vypusk 1. — / Sost.: S.S. Nevskaya, A.N. Minigalina, V.S. Nikolayeva, Ye.V. Vazhnova, I.V. Shevchenko. — M., 2019. — S. 54–55.
25. *Makarenko A.S.* Pedagogicheskiye sochineniya: V 8-mi t. / Sost.: L.YU. Gordin, A.A. Frolov, M.D. Vinogradova. — M.: Pedagogika, 1983–1986. — T. 4. — S. 29.
26. Vospitaniye grazhdanina v pedagogike A.S. Makarenko: V 2 ch. // Avtor monografii «Grazhdanskoye vospitaniye lichnosti v tvorchestve A.S. Makarenko», ch. 1. — S. 5–310, primechaniy, redaktor-sostavitel' S.S. Nevskaya. — M.: Akademiicheskiy Proyekt, Al'ma Mater, 2006. — S. 264.
27. Sm.: *Nevskaya S.S. L.I. Petrazhitskiy o motivakh chelovecheskikh postupkov* // Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika. — 2016. — № 3. — S. 33–45; 4-aya glava («Realizatsii idey L.I. Petrazhitskogo v pedagogicheskoy teorii i praktike A.S. Makarenko») Vospitaniye grazhdanina v pedagogike A.S. Makarenko: V 2 ch. // Avtor monografii «Grazhdanskoye vospitaniye lichnosti v tvorchestve A.S. Makarenko», ch. 1. — S. 171–264, primechaniy, redaktor-sostavitel' S.S. Nevskaya. — M.: Akademiicheskiy Proyekt, Al'ma Mater, 2006. i dr.